

Д 01712—19

ХОВАНЩИНА

М. П. МУСОРГСКОГО

KHOVANSHCINA

by M. P. MOUSSORGSKY

KHOVANCHTCHINA

de M. P. MOUSSORGSKI

LIBRETTO

MOSCOW 200 USSR
V/O "MEZHDUNARODNAYA KNIGA"

ХОВАНЩИНА
НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ДРАМА В 5-ти ДЕЙСТВИЯХ
М. П. МУСОРГСКОГО

В 1872 году М. П. Мусоргский полностью закончил свою оперу «Борис Годунов». Тогда же им была задумана другая опера, вошедшая в золотой фонд русской музыкальной классики, — «Хованщина». Как и в «Борисе Годунове», Мусоргский обратился в «Хованщине» к одной из поворотных эпох в истории России. В «Борисе» — это начало «смутного времени», в «Хованщине» — юные годы Петра Первого.

Идею «Хованщины» подал Мусоргскому В. В. Стасов: «...Мне казалось, что борьба старой и новой Руси, сходжение со сцены первой и нарожение второй — богатая почва для драмы и оперы, и Мусоргский разделял мое мнение».

Основа сюжета «Хованщины» — стрельецкие бунты конца XVII века. Пользуясь советами Стасова, Мусоргский тщательно изучил исторические материалы и сам составил либретто оперы, соединив в нем события двух стрельецких бунтов — 1682 и 1689 годов. Мусоргский допустил и некоторые другие отклонения от строгой хронологической последовательности. Но эти отклонения не нарушили исторической правды. Наоборот, сближение событий, разделенных несколькими годами, помогло композитору с большей четкостью показать борьбу реакционных и передовых сил России.

Новая Россия — это царь Петр и петровцы, его приближенные и войска (рейтары, «потешные», «преображенцы»). В Петре бояре видят своего врага, разрушителя тех порядков, при которых древность род: значила больше, чем талант и ум, и знатные боярские семьи сох: аняли свое господство в стране.

На первом месте среди сторонников старых порядков — князь Ивг: Ховагский, начальник стрельецких войск. Стрельцы помогли царьве Софье взять в свои руки верховную власть. Поэтому глава стрельецких полков чувствует себя хозяином столицы Руси — Москвы. Но этого ему мало; он замыслил новый государственный переворот,

мечтая посадить на престол своего сына Андрея Хованского. Противник Петра и князь Голицын, приближенный царевны Софьи; ему полностью доверяет правительница. В союзе с Хованским и Голицыным выступает вождь раскольников старый монах Досифей (в миру — князь Мышецкий).

С историческими событиями переплетается трагедия молодой вдовы раскольницы Марфы (княгини Сицкой), которой изменил ее возлюбленный Андрей Хованский. Вместе с другими раскольниками она гибнет в скиту с Андреем Хованским.

Мусоргский назвал «Хованщину» народной музыкальной драмой. Это имеет глубокие основания. В центре действия — не личная драма Марфы, а государственный заговор, его крушение, победа Петра — события, затрагивающие судьбы всего народа. Мусоргский показывает, как тяжела жизнь народа под боярским гнетом. Стрельцы завоевали власть — но не для себя, а для Хованского. Они обмануты боярами, так же как и раскольники. Недаром Мусоргский называет боярами, так же как и раскольники. Недаром Мусоргский называет в одном из писем раскольников и стрельцов «не ведающими, куда их ведут». Дух эпохи раскрыт композитором уже в либретто. Для каждого из действующих лиц оперы Мусоргский нашел сочный, колоритный язык. Торжественная речь Досифея с обилием церковнославянских оборотов не похожа ни на грубоватую речь Ивана Хованского, ни на изысканно вежливую, вышнюю манеру разговаривать, свойственную Голицыну, ни на лицемерно угодливый говор Подъячего. Важнейшие черты стиля оперы — песенность, обилие широких мелодий, богатство народного хорового звучания. По мелодической красоте и вдохновенности музыка «Хованщины» принадлежит к числу величайших творений русского и мирового музыкального искусства.

Мусоргский работал над «Хованщиной» несколько лет, но временная смерть помешала ему закончить эту оперу. «Хованщину» закончил, по завершённым рукописям и авторским эскизам, Н. Римский-Корсаков. Им выполнена и оркестровка оперы. Некоторые сцены, написанные или намеченные Мусоргским, не вошли в редакцию Римского-Корсакова. Первая постановка «Хованщины» состоялась 9 февраля 1886 года на сцене Петербургского музыкально-драматического кружка.

После Великой Октябрьской социалистической революции исследователь творчества Мусоргского профессор П. А. Ламм, опубликовал оригинальную авторскую редакцию «Хованщины».

В основу постановки «Хованщины», осуществленной в 1950 году Государственным академическим Большим театром СССР, положена редакция Римского-Корсакова. В Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова опера идет строго в редакции Римского-Корсакова.

Настоящая грамзапись воспроизводит оперу в том виде, как она исполняется в Большом театре.

СОДЕРЖАНИЕ ОПЕРЫ

Первое действие

Опере предшествует краткое оркестровое вступление — «Рассвет на Москва-реке».

Эта картина просыпающейся древней Москвы. Слышатся крик петухов, доносится переключка труб — дозорные обходят столицу, снимая цепи, которыми на ночь преграждались улицы и площади Москвы. Звучит широкая, задумчивая мелодия народно-песенного склада. Светлее и ярче становятся оркестровые краски — так рисует Мусоргский восход солнца. Но вступление к «Хованщине» — это не только живописная музыкальная картина. Рассвет над Москвой символизирует зарю новой жизни Руси, победу тех сил, которые в ту эпоху вели страну вперед, победу Петра и петровцев.

Взошедшее солнце освещает Красную площадь, древние стены Кремля, собор Василия Блаженного, далеко раскинувшуюся за рекой Москву. На площади, у каменного столба, дремлет стрелец Кузька, напевая сквозь сон песню «Пойду, пойду... под Иван-город...». Появляется стрелецкий дозор. Стрельцы вспоминают о своих разбойных похождениях. Разбуженный их разговором, Кузька вскакивает и в испуге кричит: «Где грабители? Вот я им!».

На площадь входит Подъячий. Его торопливый трусливый говор хорошо рисует хитрого, проницательного «приказного» старой Руси.

Подъячего не смущают насмешки стрельцов; он уверен, что его услуги кому-нибудь да понадобятся. Действительно, не успел удалиться стрелецкий дозор, как к Подъячему подходит богатый по виду боярин. Это Шакловитый, начальник сысского приказа. Он узнал о заговоре Хованских и решил известить о нем Петра. Шакловитый диктует Подъячему донос. Страшно Подъячему писать донос на всемогущего начальника стрелецких полков, но вид увесистого кошелька, показанного Шакловитым, преодолевает страх. К тому же от бесчинств стрельцов не раз приходилось страдать и Подъячему. Пока Подъячий строчит донос, в глубине сцены проходит с веселой песней московский люд, а затем — ватага стрельцов с буйной песней «Нету нам препонушки, а и нет запрету».

Спрятан донос, Шакловитый уходит. Вслед за ним быстро исчезает и Подъячий. Собирается народ. Площадь заполняют красные кафтаны стрельцов. Они приветствуют своего главу, князя Хованского. В беспощадно сатирических тонах рисует Мусоргский стрелецкого военачальника, подчеркивая его крайнюю ограниченность, тугопутье и самодурство. Эти свойства князя Хованского ярко выявлены и в мелодических оборотах его речи, и в его оркестровом лейтмотиве, который впервые звучит при выходе князя после призыва стрельцов: «Люди православные, люди российские, сам Большой держит речь, внемлите благочинно, Большой идет».

Окруженный стрельцами, Хованский отправляется в обход Москвы. Народ, по знаку одного из стрелецких начальников, запекает величальную песню «Слава лебедю, слава белому».

На опустевшую площадь вбегают Эмма, девушка из Немецкой слободы. Ее преследует Андрей Хованский. Тщетно пытается она вырваться из объятий Хованского. Спасение приходит неожиданно: в темной полумонашеской одежде появляется Марфа, бывшая возлюбленная Андрея. Ошеломленный Андрей выпускает Эмму. Андрей выхватывает нож. Но Марфа знает нрав Андрея — и у нее в руках нож. Андрей отступает. Возвращается старый князь Хованский. Ему самому приглянулась Эмма, и он отдает приказ стрельцам доставить к нему «лютерку». Но Андрей отказывается подчиниться отцовскому приказу. Спор, который вот-вот перейдет в рукопашную, прекращает Досифей, вождь раскольников. «Не время для ссор, — обращается он к Хованскому и стрельцам. — Настала пора великой борьбы за веру».

Досифей — союзник Хованских. Но это человек иного склада. Им руководит, по словам Мусоргского, «выработанное крепкое убеждение». Досифей не только умен. Его, в отличие от Голицына и Хованских, заботят судьбы народа. Но он не понимает, что нужно народу, на чьей стороне историческая правда. Он готов, не щадя жизни, бороться за «истинную веру» (раскол) и древние обычаи, которыми угрожает царь Петр. Речь Досифея фанатически непреклонна и сурова.

Хованские со стрельцами уходят в Кремль. Марфа, по приказанию Досифея, уводит Эмму. Досифей и раскольники под грозные, тяжелые удары колокола Ивана Великого молятся о победе над «антихристом».

Второе действие

Поздний вечер. Освещенный свечами летний кабинет князя Василия Голицына.

Голицын хотя и получил европейское образование, но остался сторонником старой, косной Руси. Поэтому он нашел свое место в рядах противников Петра.

В начале картины Голицын один. Он читает любовное письмо царевны Софьи. Письмо не радует князя. «Верить ли клятве женщины, властолюбивой и сильной? Вечное сомнение во всем, всегда» — эти слова Голицына ясно обрисовывают его натуру.

Входит пастор из Немецкой слободы. Он жалуется на бесчинства Андрея Хованского, оскорбившего Эмму, и просит разрешения построить новую лютеранскую церковь в Немецкой слободе. На вопрос об Эмме Голицын дает уклончивый ответ. Строить новую церковь не разрешает. Пастер удаляется.

Варсонофьев, один из приближенных князя, докладывает, что его хочет видеть «колдунья». Это Марфа: она пришла по приглашению суеверного Голицына гадать о его судьбе.

В одном из писем Мусоргский называет Марфу «цельной, сильной и любящей женщиной». Именно эти черты выявлены в музыкально-сценическом образе Марфы. Музыка, связанная с ее образом, порой поднимается до высокой патетики. «Пафос уместен в трагизме Марфы», — замечает Мусоргский в письме к Стасову.

Сцена гадания — одна из лучших в опере. Мрачно-призывное заклинание — «Силы потайные!.. К вам зываю!» — сменяется плавно и печальной кантиленой; Марфа предсказывает Голицыну его участь: «Тебе угрожает опала и заточенье в дальнем краю; отнимется власть, и богатство, и знатность навек от тебя...». «Сгинь!» — восклицает испуганный Голицын. В суеверном страхе он отдает приказание утопить Марфу, чтобы никто не проведал о ее предсказании, о грозящей ему немилости.

Входит Иван Хованский (в оркестре звучит его лейтмотив). Князья встретились, чтобы обдумать, как защитить старый государственный уклад. Но Хованский и в Голицыне готов видеть противника старых порядков. Разгорается спор, переходящий в ссору. Вошедший Досифей пытается примирить Хованского и Голицына. Однако единого мнения участники тайного совещания найти не могут.

Беседу князей прерывает сначала шествие раскольников, проходящих под окнами Голицына с сурово-фанатическим пением, а затем вбегающая в комнату Марфа. Голицын, уверенный, что Марфа убита по его приказу, с ужасом восклицает: «Оборотень!». Марфа рассказывает, что ее хотел задушить холоп Голицына, хорошо, что защитили петровцы. При упоминании о петровцах в оркестре звучит тема «Рассвета».

Появляется Шакловитый со страшной для заговорщиков вестью: царь Петр извещен о замысле Хованских: заговор он назвал «хованщиной» и приказал произвести следствие. Под окнами проходит отряд петровских войск. Как символ победы Петра, в оркестре мощно звучит тема «Рассвета».

Третье действие

Стрелецкая слобода в Замоскворечье. Терем Хованского. По сторонам — дозорные башни. Вдали — стены Кремля и главы кремлевских соборов. На скамье — Марфа. Она вспоминает о безвозвратно ушедшем счастье — любви Андрея. Горькие мысли Марфы Мусоргский выразил в песне «Исходила младшенька», в основу которой заложен подлинный народный напев — простая, полная глубокого чувства мелодия. Светлые воспоминания сменяются трагическими мыслями: Марфа готова погибнуть в огне вместе с Андреем. Ее песня — жалоба глубоко страдающей, измученной женщины.

С крыльца терема Хованских спускается Досифей. Он пытается утешить Марфу и уводит ее с собой.

В тяжелом раздумье входит Шакловитый. Вот оно, ненавистное ему стрелецкое гнездо. Долго ли будет терпеть Русь от разгула стрельцов и произвола их начальников? Полная скорбного пафоса ария Шакловитого — одна из самых сильных сцен в «Хованщине».

Слышатся голоса проснувшихся стрельцов. Шакловитый скрывается. С буйной песней выходят стрельцы, разбивают бочонки с хмельными напитками. Стрелецкие жены пытаются прекратить пьяную оргию. Начинается перебранка, которую прерывает Подъячий. Прикидываясь испуганным (а на деле довольный), он рассказывает, что петровские войска вступили в схватку со стрелецкими полками и одержали победу. Растерявшиеся стрельцы вызывают Хованского («Батя, батя, выйди к нам!..»). Но и Хованский испуган и не решается вести стрельцов против петровских войск: «Страшен царь Петр... Ждите судьбы решенье».

Картина заканчивается скорбной молитвой стрельцов и стрелецких жен.

Четвертое действие

Первая картина. Обширная, пышно обставленная трапезная в хоромы князя Ивана Хованского в его подмосковной вотчине.

Мрачное раздумье терзает душу князя. Сенные девушки, развлекая своего барина, поют протяжную песню «Возле речки на лужочке». Князь недоволен пением: и так невесело стало жить на Руси, а тут еще «бабий вой». «Веселую, да побойчей!» — приказывает Хованский. Девушки запевают песню «Поздно вечером сидела» и пускаются в пляс.

Пение и пляски прерываются появлением Варсонофьева. С недоброй вестью приехал он от Голицына: Хованскому грозит опасность — пусть он остерегается врагов. Но предостережение вызывает только гнев Хованского: чего ему опасаться в своей вотчине? Варсонофьева отправляют на конюшню: «Пускай почествуют изрядно!». По приказу Хованского начинаются танцы персидских рабынь.

В «Пляске персидок», сначала медлительно-томной, а потом пылкой и стремительной, точно передан восточный музыкальный колорит, хотя Мусоргский и не ввел в «Пляску» подлинных народных мотивов.

Нежданно появляется Шакловитый: царевна Софья приглашает Хованского на совещание по важнейшим государственным делам. Не замечая насмешливого тона Шакловитого, польщенный Хованский надевает парадную одежду; раздается величальная песня девушек. Но у самого выхода из палаты один из слуг Шакловитого бросается на Хованского и убивает его метким ударом ножа. Наклонив-

шись над трупом, Шакловитый со злобным хохотом повторяет слова величальной песни: «Белому лебедю слава!».

Вторая картина. Снова Красная площадь. Медленно движется окруженная стражей повозка. На ней стоит привязанный к столбу князь Голицын. Всесильный временщик отправляется Петром в ссылку. В оркестре звучит печальная мелодия гадания: сбылось предсказание Марфы — таков смысл возвращения этой мелодии.

В тяжком раздумье выходит из кремлевских ворот Досифей: в опале Голицын, погиб старик Хованский, та же участь ждет и князя Андрея, которого прочили в цари. Нерадостные для раскольников вести приносит и Марфа: «Велено рейтарам окружить нас в святом скиту и сгубить без пощады». «Теперь, — решает Досифей, — пришло время в огне и пламени принять венец славы вечный!».

Досифей уходит. С другой стороны площади вбегает Андрей. Он еще не знает об участи отца, о разгроме заговора. Увидев Марфу, он требует, чтобы она сообщила ему, где Эмма. «Эмма далеко, — отвечает Марфа, — и скоро будет на родине, со своим женихом». Взбешенный Андрей грозит созвать стрельцов и казнить Марфу, как «колдовку». «Зови», — говорит Марфа. Андрей трубит в рог — и как бы в ответ раздается удар колокола. Показываются стрельцы, несущие плахи и секиры, вокруг них — петровские войска. Готовится казнь стрельцов. В ужасе Андрей просит Марфу спасти его. Марфа уводит Андрея, обещая укрыть его в надежном месте.

Жалобные причитания стрелецких жен сменяются торжественным маршем. Гонец Петра объявляет, что царь помиловал стрельцов. На площади появляется юный Петр, которого радостно приветствуют благодарные стрельцы и народ.

Пятое действие

Светлая лунная ночь. Раскольниковый скит в глухих подмосковных лесах.

За коротким оркестровым вступлением следует трагический, скорбно-величавый монолог Досифея. «Все погибло, — обращается Досифей к раскольникам. — Скит окружен петровскими войсками. Сгорим, а не сдадимся». Досифей и раскольники удаляются, чтобы надеть белые одежды и приготовиться к смерти. На сцене, у часовни, — Марфа.

Издали, постепенно приближаясь, слышится голос Андрея — «Где ты, моя волюшка?» — «Милый мой!» — Марфа простила измену своему возлюбленному. В последний час она хочет поддержать Андрея, который с ужасом думает о неминуемой смерти. Страстью дышат ее слова, обращенные к Андрею. Изумительные по красоте, звучат ее плавные, полные чувства мелодии: светлая тема воспоми-

наний о счастье («Вспомни, помани светлый миг любви») и тоскующе-страстная тема любви («Я не оставлю тебя, вместе с тобою стогрю, любя»).

Слышатся трубные фанфары — приближаются петровские войска. В белом саване выходит из часовни Досифей: настало время погибнуть. Возвращаются из леса раскольники. В смертном страхе Андрей просит Марфу спасти его. Сурово и экстатично, на фоне мерных ударов оркестра (ремарка Мусоргского — «в духе похоронного шествия»), звучит ответ Марфы: «Нет нам спасенья, и огонь священный жертвы ждёт своей».

В белых одеждах, со свечами в руках, входят в скит Досифей, Марфа, Андрей и раскольники. Дом загорается. Пение раскольников сливается с трубными фанфарами приближающихся петровских войск. Последний раз слышится голос Марфы: «Вспомни, помани светлый миг». Здание рушится. Под горящими развалинами гибнут Досифей, Марфа с Андреем и большая часть раскольников. Подоспевшим петровцам удается спасти лишь немногих. Завершая грандиозную картину народно-исторической эпопеи, звучит торжественно-победный марш петровских войск.

Daisonofyev - d. Yashugin, bs
Susanna - n. Sewal, m
Streshnev - v. Tikhi, t.

Andrei Khovanski - d. Nechayev, bs
Shakloviti - d. Shakhkov, bt.

Marfa - Sofia Preobrazhenskaya m
Official - Y. Mishchenko, t

Emma - V. Volokitina, s.

Streltsi { I. Yaroshenko, bt
 { d. Yashugin, bs
 { A. At-Lantov, bs.

Ioan Khovanski - B. Friedkov, t

Holitsin - V. Ulyanov, t

Dosifei - Mark Reizen, bs.
KHOVANSCHINA

MUSICAL FOLK DRAMA IN FIVE ACTS

BY MODEST P. MOUSSORGSKY

It was in 1872, in that same year that Modest P. Moussorgsky completed his opera "Boris Godunov", that he conceived another opera which has enriched the golden treasury of Russian classical music. This was "Khovanshchina". In this opera, as in "Boris Godunov", Moussorgsky took one of the turning points in Russia's history, notably the time of the youth of Peter the Great; "Boris Godunov" incidentally deals with the beginning of the "troubled times".

Moussorgsky got the idea for his new opera from V. V. Stasov. This famous critic said: "It seemed to me that the struggle between the old and the new Russia, with the exit of the first and the entry of the second, provided a wealth of themes for dramas and operas and Moussorgsky shared my view."

The plot of "Khovanshchina" is based on the revolt of the Streltsy Guards, which took place at the close of the 17th century. Heeding Stasov's advice, Moussorgsky made a thorough study of all the historical material and himself composed the text. In it he combined the events of two Streltsy revolts, those of 1682 and 1689. He sinned against the strict chronological order in other places too, but these digressions have not impaired the true picture of the historical events as such. On the contrary, this approximation of developments, which were actually separated by a period of several years, enabled the composer to etch a clear picture of the struggle between the reactionary elements and progressive forces of Russia.

The new Russia was, of course, the Tsar, Peter the Great himself, his retinue, and his Guards including the famed Preobrazhensky Regiment and the so-called mock troops which he used to play with in his

teens. The old nobility, the boyars, regarded Peter as their enemy, as the destroyer of those patriarchal orders when a genealogical tree meant more than talent and ability, when the boyar nobility ruled the country.

The main advocate of the old orders was Prince Ivan Khovansky, captain of the Streltsy Guards. The Streltsy had helped the Tsarevna Sophia to seize power, and no wonder their commander considered himself cock of the roost in the Russian capital of Moscow. However, finding this too little for his ambitions, he conceived a new coup with the intention of enthroning his son Andrei Khovansky. Another of Peter's enemies was Prince Golitsyn, a favourite of Sophia in whom she reposed her full trust. The old monk, Dositheus, the leader of the religious sect of the Old Believers, who before he espoused religion was known as Prince Myshetsky, allied himself with Khovansky and Golitsyn.

Played out on this historical background is the tragedy of the young widow and Old Believer, Marfa (Princess Sitskaya) who was jilted by her lover Andrei Khovansky. Together with other Old Believers she and Andrei perish on a funeral pyre at the meeting-place of the Old Believers in the forest.

Moussorgsky had good reason for calling his new opera a musical folk drama because the action centres not on Marfa's private tragedy, but on a state plot which failed and on the victory of Peter the Great—events that concerned the entire people. Moussorgsky reveals the miserable life that the people led under the yoke of the boyars. The Streltsy had seized power, however, not for themselves but for Khovansky. They, as well as the Old Believers, had been made dupes of by the boyars, and no wonder that in one of his letters Moussorgsky says that both of them "know not where they are led." The composer displays the spirit of the times in the text. To each personage he gives a colourful language of his own. The solemn tones of Dositheus, heavily interspersed with phrases culled from the Slavonic Church vocabulary, resemble neither the coarse tongue of Ivan Khovansky or the refined language of Golitsyn, nor the hypocritical flattery of the Clerk of the Court. The most important feature of the opera as far as style is concerned, is the abundant use of song melodies and chorals based on Russian folk music. In the beauty of its melodies and its inspiration "**Khovanshchina**" certainly deserves to be ranked first among Russian and world masterpieces.

Moussorgsky's untimely death prevented him from completing this opera to which he had devoted several years of toil. It fell to Rimsky-Korsakov to complete and orchestrate it on the basis of the original manuscripts and notes. Some of the scenes which Moussorgsky wrote or intended to write were, however, excluded from Rimsky-Korsakov's edition. "**Khovanshchina**" was first produced on February 9, 1886 by the Musical Drama Club of St. Petersburg.

After the October Revolution of 1917, Professor P. A. Lamm, a student of Moussorgsky's music, published the original score.

Rimsky-Korsakov's edition of "**Khovanshchina**" was taken as the basis for the Bolshoi Theatre production of 1950; and the Leningrad Opera and Ballet House production of 1946 strictly followed Rimsky-Korsakov's edition.

This recording is of the Bolshoi Theatre production.

CONTENTS OF THE OPERA

Act I

The opera is preceded by a brief orchestra prelude called "Dawn on the Moskva River."

As the curtain rises we see the ancient Moscow awakening. Cocks crow, and the blowing of horns announces that the watchmen are removing the chains with which the streets and squares were cordoned off at night. The deep and tender strains of a folk song tune grow louder and higher in pitch — to depict, as it were, the rising of the sun. However this prelude is more than a picture in music. The break of day over Moscow symbolises the dawn of a new life in Russia, the triumph of the progressive forces of that time, of Peter the Great and his following.

As the sun rises, it lights up Red Square or rather Beautiful Square, as was its meaning in those days, the hoary walls of the Kremlin, the Cathedral of St. Basil the Blessed, and the distant panorama of Zamoskvorechye that part of the city on the other side of the river. On the square itself, at the foot of a stone pillar, we see Kuzka, a Streltsy soldier, dozing. He sleepily sings the song "To Ivan's Town Shall I Go." A troop of Streltsy appear and reminisce of rip-roaring days of robbery gone by. Awakened by their talk, Kuzka jumps up and in a fright shouts: "Where are these robbers? I'll show them!"

The Clerk of the Court enters. His servile mumbling well illustrates the sly, nosy-parker type of an old Russian court-scribe.

He is not embarrassed by the mockery of the Streltsy, sure that his services will be required. And, indeed, as soon as the troop makes its exit an opulently dressed boyar approaches him. This is Shaklovity, chief of the police.

Knowledge of the Khovansky plot has come to his ears and he wishes to inform the Tsar, Peter the Great, of it. He dictates to the Clerk of the Court a plea addressed to "the Tsars and the Grand Princes". The Clerk is mortally afraid of writing a denunciation against the all-powerful Streltsy captain, but he overcomes his fears when he spots the fat purse of money that Shaklovity shows him. Moreover, he himself has suffered more than once from Streltsy outrages. While the Clerk is penning the denunciation, in the background a crowd of

townsfolk passes singing a jolly song. They are followed by a group of Streltsy roaring out the refrain "What Care We for Laws and Rules."

Concealing the paper on his person Shaklovity retires, the Clerk quickly following. Townsfolk gather and the square fills with the Streltsy in their crimson tunics. They hail their captain, Prince Ivan Khovansky. Moussorgsky invokes ruthless satire to depict the commander of the Streltsy Guards as extremely pig-headed, overweening, pompous properties well revealed both in the tunes the Prince himself sings and in the orchestral leit-motif first heard when Khovansky enters after the Streltsy have cried out: "People of the faith, people of Russia, the big man himself will speak! So heed ye all!"

Amidst his soldiers Khovansky retires. Meanwhile at a signal from a Streltsy lieutenant, the townsfolk chant "Glory to the White Swan," a song of praise to Khovansky.

Emma, a German girl, runs out onto the empty square, with Andrei Khovansky following hot on her heels. In vain does she try to break away from his embraces. Suddenly Andrei's discarded mistress Marfa who is clad in a novice's black dress appears and rescues Emma. Startled, Andrei lets go of the girl and pulls out a dagger. A knife gleams in Marfa's hand too; she well knows Andrei's hot temper. Andrei retreats. At this moment his father, Prince Khovansky who has taken a fancy for Emma, returns and orders his soldiers to bring "the Lutheran maid" before him. Andrei refuses to obey. Their quarrel almost develops into a fight when Dositheus, the leader of the Old Believers, intervenes and addressing the two princes and the Streltsy, says: "Now is no time for strife, but rather to battle hard for our faith".

Dositheus is Khovansky's ally. However, he is quite a different type of man, motivated, as Moussorgsky himself says, by a "firmly established conviction." In contrast to Golitsyn and the two Khovanskys this clever man is concerned for the people's lot. However, he fails to realise what the people need and who history is for. He is prepared to die for the "true faith" (the Old Belief) and the old customs that Peter the Great threatens to abolish, and holds forth as an adamant and austere fanatic.

The two Princes and the soldiers retire into the Kremlin. At Dositheus's bidding Marfa draws Emma away. Meanwhile to the accompaniment of the tolling of the bell from the Campanile of Ivan the Great, Dositheus and the other Old Believers pray for victory over "anti-Christ."

Act II

It is late evening. Candles have been lit in Prince Vasily Golitsyn's room. Though the Prince was educated in Europe, he still supports the old Russia of the boyars; which is why he is Peter's enemy.

As the curtain rises, he is alone, reading a love letter from the Tsarevna Sophia. But he takes no delight in it. "Can I believe the vows of a strong and ambitious woman? Eternal doubts in everything, always." These words clearly show him for the man he is.

A German pastor enters and complains of Andrei Khovansky's attempts to seduce Emma. He also begs permission to build a new church in the German settlement. Golitsyn replies evasively to the complaints and refuses permission to build a new church. The pastor retires.

At this moment Varsonofyev, a member of the Prince's retinue, informs him that a "witch" desires to see him. This is Marfa who has come at the invitation of superstitious Golitsyn to tell him his fortune.

In one of his letters Moussorgsky called Marfa "a strong and loving heart of integral worth." It is precisely these features that are revealed in the music, which at times reaches heights of pathos, which, as Moussorgsky himself noted in a letter to Stasov, "is quite in place when relating of Marfa's tragedy."

The fortune-telling episode is among the best in the opera. The gloomy incantation "You, O, spirits of mystery, I invokel", gives way to the sad cantilena in which Marfa predicts that Golitsyn is "threatened with disgrace and exile in remote places, with the loss forever of power, riches and his noble name." — "Avaunt!" — Golitsyn cries in fright. In superstitious fear he orders Marfa to be cast into a dungeon so that her prophecy reach nobody's ears.

Ivan Khovansky enters and at once we hear the orchestral leit-motif accompanying his personage. The two Princes have met to discuss how best to defend the old orders. However, Khovansky views even Golitsyn as an enemy of these orders. They argue and quarrel. Dositheus, who has come in, tries to reconcile them, but fails.

Their conversations are interrupted twice: at first by a procession of Old Believers who pass beneath the windows chanting fanatically and then by Marfa who runs in. Golitsyn, who thought Marfa had been murdered by his servants shouts in horror: "Werewolf!" Marfa tells them that when one of Golitsyn's servants had tried to strangle her, some of Peter's soldiers had intervened and saved her. When she mentions Peter and his retinue, we hear the orchestra strike up the "Dawn" theme.

Shaklovity enters to tell the plotters the fearful news that the Tsar knows of the Khovansky plot, which he has named "Khovanshchina,"— meaning the Khovansky Affair — and has ordered an inquiry. Troops of Peter's soldiers pass beneath the windows and to symbolise Peter's victory the orchestra brings the "Dawn" theme up to forte.

Act III

We are in the Streltsy neighbourhood across the river. In the centre

is the Khovansky mansion flanked by guard-towers, while in the distance we get a panorama of the Kremlin walls and the domes of its cathedrals.

Seated on a bench in the foreground is Marfa, who recalls the happy days of love. Her bitter thoughts are vented in the song "My Feet Are Weary", a tune based on a real folk melody of simple but profound sentiment. Marfa's mind takes a tragic turn; she is willing to perish in the flames together with Andrei. Her song is the lament of a deep suffering heart.

Dositheus descends the porch of the Khovansky mansion. He tries to console Marfa and retires with her.

Shaklovity enters, deep in thought. Here is the Streltsy hornet's nest he hates so greatly. Will Russia patiently suffer the orgies of the Streltsy soldiery and the club law of their captains? Shaklovity's aria is one of the most impressive in the entire opera.

As the Streltsy awake Shaklovity disappears. Singing boisterously the soldiers emerge and knock open casks of strong mead. Their wives try to end the carousal and a quarrel breaks out. It is interrupted by the Clerk of the Court, who feigning fright (actually he is pleased) announces that the Tsar's Guards have engaged and vanquished the Streltsy regiments. In confusion the soldiers appeal to Khovansky: "Father, Father, appear to us!" However, Khovansky is too scared to lead the soldiers against Peter's troops. "Tsar Peter is fearful," he sings. "So leave everything to fate."

The curtain drops as the Streltsy and their wives lament.

Act IV

Scene One. We are confronted with the elaborately furnished vast feasting hall in the mansion of Prince Ivan Khovansky at his estate outside Moscow.

His mind is wracked with gloomy thoughts. To amuse their master the serving maids sing the long, and tedious "On the Meadow Near the River." The Prince is displeased. It is grievous to live in Russia as it is, without this "howling of females." "Let's have something merry and quick," he orders. The serving maids strike up the song "In the Evening I Sat Late," and begin to dance.

The singing and dancing is interrupted by Varsonofyev, who comes with ill news from Golitsyn. Khovansky is threatened. Let him beware. The warning only serves to incur Khovansky's wrath. "What has he to fear on his own estates?" Varsonofyev is dragged off to the stables with the order "Treat him well!" The Prince then orders his Persian slave girls to dance.

This dance of the Persian slave girls, first languorous, then temperamental subtly conveys an Oriental flavour, even though Moussorgsky has not introduced any real folk motifs.

Suddenly Shaklovity appears. The Tsarevna Sophia has invited Prince Khovansky to take counsel with him on important matters of state. Oblivious of Shaklovity's obvious mackery the flattered Khovansky attires himself gorgeously. Meanwhile the serving maids sing the "Glory to the White Swan" song. However, at the door one of Shaklovity's servants stabs Khovansky to death. Bending over the body, Shaklovity repeats with malicious glee the words "Glory to the White Swan!"

Scene Two. We are again on Red Square. A heavily guarded tumbrel, on which stands Prince Golitsyn chained to a stake, rolls across the square. Peter has exiled the once all-powerful favourite. The orchestra repeats the sad strains of the music from the fortune-telling episode, to show that Marfa's prophecy has come true.

Deep in sorrowful meditation, Dositheus steps forth from the Kremlin. Golitsyn is in disgrace, the old Prince Khovansky is dead and the same fate threatens Prince Andrei, who was to be enthroned as the Tsar. Marfa brings the Old Believers ill news: "The dragoons have been ordered to surround us and cut us down without mercy," she sings. And Dositheus decides: "The time has come to take in flames the crown of ever-lasting glory!"

As Dositheus retires, Andrei runs in from the other side of the square. He is still unaware of his father's fate, of the failure of the plot. Noticing Marfa, he demands that she tells him where Emma is. "Emma is far away," she replies, "and will soon be back home with her bridegroom". Furious, Andrei threatens to summon the soldiers and have Marfa put to death as a "witch." "Summon them," she says. Andrei blows his horn and a bell tolls forth as if in response. The Streltsy, guarded by Peter's troops enter, carrying blocks and axes for their own execution. Horrified, Andrei implores Marfa to save him. She leads him away, promising him safe concealment.

The lamentations of the Streltys' wives give way to a jubilant march. The Tsar's courier arrives to announce that the Streltsy have been pardoned. The young Tsar himself appears and is joyfully acclaimed by the grateful Streltsy and townsfolk.

Act V

It is a bright moonlit night. And we are at the meeting place of the Old Believers deep in the forest. After a brief orchestral prelude comes the tragic but stately monologue of Dositheus. "All is lost," he sings addressing his following. "The Tsar's troops have surrounded us. Let the flames consume us; we shall not surrender." Dositheus and the

other Old Believers exit to attire themselves in white and prepare for death. On the stage in front of the chapel is Marfa.

From a distance we hear gradually drawing closer the voice of Andrei, who sings "Where is my Freedom?" "My darling!" Marfa cries, forgiving her lover his unfaithfulness. In this final hour she desires to be Andrei's support, for it is with horror that he thinks of inevitable death. The words she addresses to Andrei are full of deep passion, and the melody is of marvellous beauty and profound emotion. Happy reminiscences ("Remember that Sweet Moment of Love"), interchange with the passionately yearning theme of love ("I Shall Not Desert You Rather Will I Die With You in the Flames").

The blast of trumpets is heard. These are Peter's troops drawing nigh. Clad in a white robe Dositheus emerges from the chapel. It is time to die. The Old Believers return from the forest. In mortal fright Andrei begs Marfa to save him. Marfa's austere and ecstatic reply is accompanied by a rhythmic orchestral pattern, "in the spirit of a marche funebre" as Moussorgsky himself noted. "There is no salvation for us," she cries, "the holy flames await our sacrifice."

The white-robed Dositheus, Marfa, Andrei and other Old Believers enter the chapel holding candles in their hands and set fire to it. Their singing merges with the fanfares of the approaching troops. For the last time we hear Marfa sing "Remember that sweet moment," as the chapel falls in and under its flaming ruins Dositheus, Marfa, Andrei and most of the Old Believers perish. Only a few are saved. The ceremonial, triumphal march of the Tsar's troops resounds forth as an appropriate finale to this grand folk epic.

KHOVANCHTCHINA

DPAME MUSICAL POPULAIRE EN CING ACTES

DE M. MOUSSORSKI

Moussorgski mit la dernière main à son opéra «**Boris Godounov**» en 1872. La même année, il conçut son autre opéra, «**Khovanchtchina**», qui devait entrer dans le patrimoine des classiques de la musique russe. Comme dans «**Boris Godounov**», Moussorgski y retrace l'une des périodes cruciales de l'histoire russe. Si «**Boris**» s'ouvre au début du «**temps des troubles**», dans «**Khovanchtchina**» ce sont les jeunes années de Pierre le Grand qui sont évoquées.

L'idée avait été suggérée à Moussorgski par V. Stassov: «...Il me semblait, — disait-il, — que la lutte entre la vieille Russie et la nouvelle, le déclin de la première et la naissance de la seconde offraient une riche matière au drame et à l'opéra, opinion que Moussorgski partageait».

Le thème central de «**Khovanchtchina**» ce sont les mutineries des streltsy à la fin du XVIIe siècle. Suivant les conseils de Stassov, Moussorgski étudia soigneusement la documentation historique et écrivit lui-même le livret de son opéra, en y entremêlant les péripéties des soulèvements de 1682 et de 1689. Il prit également quelques autres libertés avec la chronologie des événements, mais sans toutefois porter atteinte à la vérité historique. Tout au contraire, la juxtaposition d'épisodes séparés par plusieurs années permit au compositeur d'évoquer avec plus de relief encore la lutte opposant les forces de progrès à celles de la réaction dans la Russie d'alors.

La Russie nouvelle, c'était le tsar Pierre et ses partisans, son entourage et ses troupes (les reîtres, le «bataillon d'amuseurs» organisé par Pierre le Grand lorsqu'il était enfant, le régiment Préobrajenski).

Les bayards voient en Pierre leur ennemi, le destructeur de l'ancien état de choses, d'un régime où l'ancienneté de la lignée primait sur le talent et l'intelligence et où les vieilles familles nobles tenaient le pays sous leur coupe.

Au premier rang des partisans de l'ancien régime, nous trouvons le prince Ivan Khovanski, chef des streltsy. Ces derniers avaient aidé la tsarevna Sophie à s'emparer du pouvoir, si bien que leur chef peut se croire le maître dans la capitale. Bien plus, il fomente un nouveau coup d'Etat et rêve de faire monter sur le trône son propre fils, André Khovanski. Le prince Golitsyne, familier de la régente Sophie, dont il jouit de la pleine confiance, est également un adversaire de Pierre. Ils ont un allié dans la personne du guide spirituel des raskolniki, le vieux moine Dossiféï (prince Mychetski, dans le monde).

Les épisodes historiques interfèrent avec la tragédie d'une jeune veuve, sectatrice du Raskol, Marfa (princesse Sitskaïa) qui a été abandonnée par son amant André Khovanski. Elle périt avec lui dans le monastère en flammes des raskolniki.

Moussorgski a appelé son opéra un «drame musical populaire». L'épithète se justifie sans peine. L'action ne tourne pas autour du drame personnel de Marfa mais bien autour d'un complot politique, de son échec, de la victoire de Pierre le Grand, événements où se jouaient les destins du peuple tout entier. Moussorgski dépeint l'existence précaire du peuple sous le joug des boyards. Les streltsy se sont emparés du pouvoir, mais c'est pour Khovanski et non pas à leur profit. Comme les raskolniki, ils sont trompés par les boyards. Moussorgski n'indique-t-il pas dans une lettre que les raskolniki et les streltsy «ne savaient pas où on les menait». Avec le livret déjà, le compositeur réussit à rendre l'esprit de l'époque. Moussorgski met dans la bouche de chaque personnage une langue savoureuse et colorée. Le langage solennel de Dossiféï, truffé de tournures archaïques empruntées au slavo-d'Eglise contraste avec le verbe rude d'Ivan Khovanski, le style sophistiqué, d'une politesse raffinée, propre au prince Golitsyne, le ton hypocrite et servile du Clerc. L'opéra est remarquable par ses récitatifs, ses nombreuses et amples mélodies, l'utilisation des chœurs populaires. Par la beauté des mélodies et l'inspiration, «**Khovanchtchina**» se range parmi les plus grandes créations de l'art musical russe et universel.

Moussorgski a travaillé plusieurs années à cet opéra, mais une mort prématurée l'empêcha de le terminer. C'est Rimsky-Korsakov qui devait le faire en se guidant sur les manuscrits et les projets de l'auteur. Certaines scènes, écrites ou ébauchées par Moussorgski, ne sont pas entrées dans la version de Rimsky-Korsakov. Nous lui devons également l'orchestration de «**Khovanchtchina**» dont la première eut lieu le 9 février 1886, sur la scène du Cercle musical et dramatique de Saint-Petersbourg.

Le professeur P. Lamm, spécialiste de l'oeuvre de Moussorgski, a publié, après la révolution d'Octobre, la version originale de «**Khovanchtchina**».

La mise en scène réalisée en 1950 par le Bolchoï part pour l'essentiel de la version de Rimsky-Korsakov. Le théâtre d'opéra et de ballet Kirov de Leningrad s'y était strictement tenu en 1946.

Cet enregistrement a été réalisé au Bolchoï.

Acte I

Court morceau symphonique: «L'aube sur la Moskova».

La vieille Moscou s'éveille. On entend le chant du coq, les trompettes se font écho: les gens du guet relèvent les chaînes qui pendant la nuit barraient les rues et les places de la capitale. Une large mélodie inspirée des chants populaires d'élève. Par des sonorités plus vives, plus brillantes, Moussorgski évoque le lever du soleil. Mais ce n'est pas seulement un pittoresque tableau musical. Le jour qui se lève à Moscou symbolise l'aube d'une vie nouvelle en Russie, la victoire des forces qui entraînaient le pays sur la voie du progrès, la victoire de Pierre et de ses partisans.

Les rayons du soleil inondent la place Rouge, les antiques murailles du Kremlin, la cathédrale de Vassili le Bienheureux, toute la ville qui s'étend au delà de la Moskova. Sur la place, adossé à une borne, le strelet Kouzka chantonne en sommeillant: «J'arrive, j'arrive... sous les murs d'Ivan-Gorod...» Paraît une ronde de streltsy. Les streltsy se remémorent leurs brigandages. Réveillé par leur conversation, Kouzka bondit sur ses pieds en criant tout effaré: «Où sont les brigands? Attendez un peu!»

Le Clerc se montre. Son débit rapide, sa voix de pleutre évoquent bien le type de l'«intendant» matois et rusé de l'ancienne Russie.

Les quolibets des streltsy ne le démontent pas; il est certain que quelqu'un finira bien par avoir recours à ses bons offices. Effectivement, à peine la ronde des streltsy s'est-elle éloignée qu'un boyard richement vêtu aborde le Clerc. C'est Chaklovity, chef du département de l'intérieur. Il a appris que Khovanski tramait un complot, et il a décidé d'en informer Pierre. Chaklovity dicte au Clerc une dénonciation adressée aux «souverains tsars et aux grands-ducs». L'idée de coucher par écrit une dénonciation dirigée contre le tout-puissant chef des streltsy fait trembler le Clerc, mais la bourse pesante que lui a montré Chaklovity l'emporte sur la peur. En outre, le Clerc, lui aussi, a eu plus d'une fois à se plaindre des exactions des streltsy. Tandis que le Clerc griffonne, on voit passer au fond de la scène la foule des Moscovites qui entonnent une joyeuse chanson, puis une bande de streltsy brillant «pour nous pas d'obstacles, tout nous est permis».

Dissimulant la dénonciation, Chaklovity s'éloigne. Le Clerc ne tarde pas à s'éclipser à son tour. La foule afflue. Les kaftans rouges des streltsy remplissent la place. Ils saluent leur chef, le prince Ivan Khovansky. Moussorgski campe le personnage du chef des streltsy dans des tonalités impitoyablement satiriques, soulignant son extrême étroitesse, sa lourdeur d'esprit et son despotisme, traits qui sont mis en relief par la ligne mélodique de sa partie et le leitmotiv de l'orchestre qui intervient à l'entrée en scène du prince, après cet appel des streltsy: «Orthodoxes, Russiens, sa Grandeur lui-même, va parler, sa Grandeur vient».

Entouré de ses streltsy, Khovanski traverse Moscou. Au signal d'un des chefs des streltsy le peuple entonne un chant laudatif: «Gloire au cygne, gloire au cygne blanc!».

Sur la place déserte se précipite Emma, une jeune fille du quartier Allemand. Elle est poursuivie par André Khovanski. Emma s'efforce en vain d'échapper à son étreinte quand surgit brusquement, dans une robe noire, semi-monastique, l'ancienne amante d'André, Marfa. Stupéfait, il lâche Emma, mais dégaine aussitôt son poignard. Marfa qui connaît bien le caractère d'André, a déjà le stylet au poing et ce dernier doit battre en retraite.

Le vieux prince Khovanski revient. Il a lui aussi trouvé Emma à son goût et donne l'ordre à ses streltsy de lui amener la «luthérienne». André refuse de se soumettre aux ordres paternels. Ils vont en venir aux mains quand Dossiféï, le chef des raskolniki, met fin à leur querelle. «La saison n'est pas aux disputes, déclare-t-il à Khovanski et aux streltsy, c'est l'heure du grand combat pour la foi».

Dossiféï est l'allié des Khovanski. Mais c'est un homme d'une toute autre trempe. Il est gouverné, comme le souligne Moussorgski, «par des convictions solides». Dossiféï est non seulement intelligent mais encore, à la différence de Golitsyne et des Khovanski, soucieux des destinées de la nation. Toutefois, il ne comprend pas ce dont le peuple a besoin ni pour qui travaille l'histoire; et il est prêt, au mépris de sa vie, à lutter pour la «vraie foi» (le Raskol) et les vieilles coutumes menacées par le tsar Pierre. Dossiféï tient le langage inflexible et dépourvu d'un fanatique.

Les Khovanski, entourés de leurs streltsy, se dirigent vers le Kremlin. Marfa, sur l'ordre de Dossiféï, emmène Emma. Dossiféï et les raskolniki prient pour la victoire sur «l'Antéchrist» aux sons lourds et menaçants de la cloche d'Ivan le Grand.

Acte II

La nuit tombe. Le bureau du prince Vassili Golitsyne est éclairé par des bougies.

Bien qu'il ait reçu une éducation européenne, Golitsyne demeure un

partisan de la vieille Russie embourbée dans sa routine. Il s'est ainsi retrouvé, tout naturellement, parmi les adversaires de Pierre.

Golitsyne est seul. Il lit une lettre d'amour de la régente Sophie. Le prince ne s'en réjouit guère. «Faut-il croire aux serments d'une femme forte et ambitieuse? Douter de tout, toujours», ces paroles de Golitsyne définissent bien son caractère.

Entre le pasteur du quartier Allemand. Il se plaint de l'affront qu'André Khovanski a infligé à Emma et demande l'autorisation de faire construire un nouveau temple luthérien dans le quartier Allemand. Golitsyne répond évasivement au sujet d'Emma et refuse l'autorisation. Le pasteur s'éloigne.

Varsonofiev, l'un des familiers du prince, lui annonce qu'une «devineresse» demande à le voir. C'est Marfa; le superstitieux prince Golitsyne l'a fait venir pour l'interroger sur son destin.

Dans une de ses lettres, Moussorgski a qualifié Marfa de «femme tout d'une pièce, forte et aimante», ce qui est mis en relief par la manière dont il a campé musicalement et scéniquement le personnage de Marfa. Des sonorités souvent pathétiques l'accompagnent: «Le pathétique convient au tragique de Marfa» remarque Moussorgski dans une lettre à Stassov.

C'est une des plus belles scènes de l'opéra. Aux sombres incantations: «Forces occultes! Je vous invoque!» succède une cantilène ample et triste; Marfa prédit à Golitsyne le sort qui l'attend: «Tu seras disgracié et exilé dans une contrée lointaine; tu perdras à jamais le pouvoir, la richesse, ton rang...». «Meurs!» s'écrie Golitsyne, terrifié. Dans son effroi superstitieux, il ordonne de noyer Marfa, afin que nul n'ait vent de ses prédictions, de la disgrâce qui le menace.

Entre Ivan Khovanski (annoncé par son leitmotiv). Les deux princes se rencontrent afin de discuter des moyens propres à défendre le vieil ordre de choses. Khovanski toutefois, n'est pas loin de voir en Golitsyne lui-même un ennemi de l'ancien régime. La discussion ne tarde pas à dégénérer en querelle. Dossiféï, qui arrive sur ces entrefaites, s'efforce de reconcilier les deux hommes. Le conciliabule se termine toutefois sans qu'un accord ait pu être réalisé. Les princes, après avoir été interrompus une première fois par une procession de raskolniki qui passent sous les fenêtres de Golitsyne en chantant un chant aux accents empreints d'un fanatisme sévère voient soudain Marfa faire irruption dans la pièce. Golitsyne, convaincu que Marfa a été tuée sur son ordre, pousse un cri d'horreur. Marfa raconte qu'un serf de Golitsyne s'apprêtait à l'étrangler quand les gens de Pierre sont intervenus. Le thème de l'«Aube» retentit quand sont évoqués ces derniers.

Paraît Chaklovity, porteur d'une terrible nouvelle pour les conjurés: le tsar Pierre est informé des desseins des Khovanski; il a appelé le complot «khovanchchina» et a ordonné une enquête. Les troupes de Pierre défilent sous les fenêtres. L'orchestre reprend avec force le thème de l'«Aube», symbole de la victoire de Pierre.

Acte III

Dans le quartier des streltsy, le palais (terem) de Khovanski. Sur les côtés, des tours de guet. Au loin, les murs du Kremlin et les coupes de ses cathédrales. Marfa est assise sur un banc. Elle songe à son bonheur à jamais perdu, à l'amour d'André. Moussorgski incarne les tristes pensées de Marfa dans un chant «Elle s'en est allée la jeunesse», directement inspiré d'un air authentiquement populaire, mélodie simple et expressive. Aux souvenirs des jours heureux succèdent de sombres pensées; Marfa est prête à se jeter au feu avec André. Son chant est la plainte d'une femme profondément malheureuse, à bout de forces.

Dossiféï descend le perron du palais des Khovanski. Il s'efforce de consoler Marfa et s'éloigne avec elle.

Entre Chaklovity, plongé dans une profonde méditation. La voilà, cette citadelle tant haïe des streltsy! La Russie, va-t-elle longtemps encore supporter les exactions des streltsy et l'arbitraire de leurs chefs? L'arioso de Chaklovity constitue, avec sa morne emphase, l'une des plus belles scènes de «**Khovanchtchina**».

On entend les voix des streltsy qui s'éveillent. Chaklovity se dérobe à leurs regards. Entonnant un chant plein d'entrain, les streltsy défoncent des barils d'hydromel. Leurs femmes tentent d'arrêter l'orgie, ce qui déclenche une mêlée interrompue par l'arrivée du Clerc. Empli d'une joie mauvaïse, mais simulant la terreur, il rapporte que les troupes de Pierre ont rencontré les régiments des streltsy et remporté la victoire. Dans leur désarroi, les streltsy appellent Khovanski («Père, père, viens!...»). Mais Khovanski lui-même est effrayé et ne se décide pas à affronter avec ses streltsy les troupes de Pierre: «Le tsar Pierre est redoutable... Attendez le verdict de la Providence».

L'acte se termine sur une morne prière des streltsy et de leurs femmes.

Acte IV

Premier tableau. La vaste et somptueuse salle des festins dans le palais du prince Ivan Khovanski situé dans son domaine patrimonial, près de Moscou.

Le prince est en proie à de sombres pensées. Pour distraire leur maître, les jeunes servantes entonnent un chant lent et monotone «Près de la rivière, sur le pré». Le prince exhale son mécontentement: la vie n'est déjà plus si gaie en terre russe, il ne manquait plus que ces «gémissements de bonnes femmes». «Quelque chose de gai et d'entraînant!» ordonne Khovanski. Les jeunes filles chantent «Tard dans la nuit, j'étais assise...» et se mettent à danser.

Les chants et les danses sont interrompus par l'arrivée de Varsonofiev. Golitsyne l'a chargé de porter de mauvaises nouvelles: Khovanski est en danger, qu'il se méfie de ses ennemis. Mais l'avertissement ne fait que provoquer la colère de Khovanski: qu'a-t-il à craindre dans son fief? Varsonofiev est chassé aux écuries: «Qu'on le rosse d'importance!» Sur l'ordre de Khovanski, on fait place aux danses des esclaves perses.

Dans la «danse des perses» aux rythmes d'abord lents et langoureux, puis vifs et impétueux, Moussorgski a finement rendu le coloris oriental, bien qu'il n'y ait pas introduit de motifs authentiquement populaires.

A la surprise générale, Chaklovity entre: Sophie convie le prince Khovanski à son conseil pour l'examen de graves questions d'Etat. Flatté, Khovanski, qui ne remarque pas le ton persifleur de Chaklovity, revêt son costume d'apparat cependant que les jeunes servantes entonnent un chant laudatif. Mais à la porte même du palais un serviteur de Chaklovity se jette sur Khovanski et le tue d'un coup de poignard. Penché sur le cadavre, Chaklovity répète avec un mauvais rire les paroles du chant laudatif: «Gloire au cygne blanc!»

Deuxième tableau. Nous sommes de nouveau sur la place Rouge. Une charrette avance lentement sous bonne garde. Le prince Golitsyne est dessus, pieds et poings liés. Le tout puissant favori part pour l'exil. La mélodie triste de la scène des prédictions de Marfa retentit: ces dernières se sont réalisées.

Plongé dans une profonde méditation, Dossiféï sort des portes du Kremlin: Golitsyne est tombé en disgrâce, le vieux Khovanski a péri, et le même sort attend le prince André que l'on avait promis au trône. Marfa apporte d'autres tristes nouvelles pour les raskolniki: «On a ordonné aux reîtres de nous cerner dans notre saint monastère et de nous massacrer sans faire quartier». «Maintenant, — se dit Dossiféï, — l'heure est venue de recevoir la couronne du martyr dans le feu et les flammes».

Dossiféï sort. André fait irruption sur la place, du côté opposé. Il ignore tout encore du sort de son père, de l'écrasement du complot. Apercevant Marfa, il exige qu'elle lui dise où se trouve Emma.

«Emma est loin, répond Marfa, elle sera bientôt de retour dans sa patrie avec son fiancé». Furieux, André menace d'appeler les streltsy et de faire exécuter Marfa comme sorcière. «Appelle-les», répond celle-ci. André sonne du cor et comme pour lui répondre un carillon se fait entendre. On voit apparaître les streltsy portant un billot et des haches, encadrés par les troupes de Pierre. On s'apprête à exécuter les streltsy. Terrifié, André supplie Marfa de le sauver. Marfa emmène André, lui promettant de le cacher en lieu sûr.

Aux lamentations des femmes des streltsy succède une marche triomphale. Un messenger de Pierre annonce que le tsar a fait grâce. On voit paraître sur la place le jeune Pierre qu'accueillent avec allégresse les streltsy reconnaissants et le peuple.

Acte V

Eclairé par les rayons de la lune, le monastère des raskolniki dans les forêts épaisses des environs de Moscou.

Après une brève ouverture de l'orchestre, c'est le monologue tragique, morne et solennel, de Dossiféï. «Tout est perdu, dit-il aux raskolniki, le monastère est cerné par les troupes de Pierre. Nous périrons dans les flammes plutôt que de nous rendre». Dossiféï et les raskolniki s'éloignent pour revêtir leurs habits blancs et se préparer à la mort. Sur la scène, près de la chapelle, nous voyons Marfa. Au loin on entend la voix d'André qui se rapproche: «Où est-tu, ma chère liberté?» — «Mon amour!» Marfa a pardonné à son amant sa trahison. A cet instant suprême, elle veut soutenir André qui pense avec effroi à la mort inéluctable. Les paroles qu'elle adresse à André respirent la passion. Ce sont des mélodies larges et pleines de sentiments, étonnant de beauté: le thème radieux des souvenirs de bonheur («Souviens-toi, souviens-toi de ce radieux instant d'amour») et celui de l'amour à la fois mélancolique et passionné. («Je ne t'abandonnerai pas, je périrai avec toi dans les flammes, t'aimant toujours»).

On entend des fanfares de trompettes: les troupes de Pierre approchent. Dossiféï sort de la chapelle revêtu d'un suaire blanc: l'heure de la mort est arrivée. Les raskolniki reviennent de la forêt. Fou de terreur, André supplie Marfa de le sauver. La réponse de Marfa, sévère et extatique, résonne sur le fond des accords scandés de l'orchestre (remarque de Moussorgski: «à la manière d'une marche funèbre»): «Rien ne peut nous sauver, le feu sacré attend sa victime». Dossiféï, Marfa, André et les raskolniki en blanc et des cierges à la main pénètrent dans le monastère. Les flammes s'élèvent. Le chant des raskolniki se mêle aux sonneries de trompettes des troupes du tsar qui se rapprochent. Une dernière fois, la voix de Marfa se fait entendre: «Souviens-toi, souviens-toi de l'instant radieux». Le bâtiment s'effondre. Dossiféï, Marfa et André périssent sous les décombres fumants avec presque tous les raskolniki.

Les soldats accourus ne réussissent à en sauver que quelques-uns. Une marche solennelle et triomphale, celle des troupes de Pierre, termine cette fresque grandiose d'une épopée nationale.

MADE IN THE U.S.S.R.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д--011089(а)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр.-1
1:00

М. МУССОРГСКИЙ—Опера «ХОВАНЩИНА»
M. MUSSORGSKY—Opera "KHOVANSCHINA"
Introduction. "Dawn on the Moskva-River"
Act I. Moscow, Red Square
I.NECHAYEV (An. Khovansky), I.SHASHKOV (Shaklovity)
S. PREOBRAZHENSKAYA (Marfa)
Y. MISHCHENKO (A minor official)
V. VOLOKITINA (Emma)
L. YAROSHENKO, I. YASHUGIN and
A. ATLANTOV (Streltsy)
Chorus and Orchestra of the Kirov
Opera and Ballet Theatre in Leningrad
conducted by B. KHAIKIN
(Recorded in 1946)

MADE IN THE U.S.S.R.

33 1/3 об. в мин.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-011090(a)

Вторая гр.-2
1-00

М. МУСОРГСКИЙ—Опера «ХОВАНЩИНА»
M. MUSSORGSKY—Opera "KHOVANSCHINA"

Act I (end)

Act 2. At Prince Golitsyn's Place

B. FREIDKOV (Iv. Khovansky)

I. NECHAYEV, V. ULYANOV (Golitsyn)

M. REIZEN (Dositheus)

S. PREOBRAZHENSKAYA

V. VOLOKITINA, I. YASHUGIN (Vareonofyev)

Chorus and Orchestra of the Kirov

Opera and Ballet Theatre in Leningrad

conducted by B. KHAIKIN

MADE IN THE U.S.S.R.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-011091(а)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр.-3
1-00

М. МУСОРГСКИЙ—Опера «ХОВАНЩИНА»
M. MUSSORGSKY—Opera "KHOVANSCHINA"
Act 2 (end). Act 3. The Strelets Village
B. FREIDKOV, V. ULYANOV, I. SHASHKOV
M. REIZEN, S. PREOBRAZHENSKAYA
N. SERVAL (Susanna), I. YASHUGIN
Chorus and Orchestra of the Kirov
Opera and Ballet Theatre in Leningrad
conducted by B. KHAIKIN

MADE IN THE U.S.S.R.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-011092(a)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр.-4
1-00

М. МУСОРТСКИЙ—Опера «ХОВАНЩИНА»
M. MUSSORGSKY—Opera "KHOVANSCHINA"
Act 3 (end), Act 4, Scene 1
At Prince Khovansky's Place
B. FREIDKOV, I. SHASHKOV, M. REIZEN
S. PREOBRAZHENSKAYA, Y. MISHCHENKO
I. YASHUGIN, L. YAROSHENKO
Chorus and Orchestra of the Kirov
Opera and Ballet Theatre in Leningrad
conducted by B. KHAIKIN

MADE IN THE U.S.S.R.

33 ¹/₃ об. в мин.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д—011093(a)

Вторая гр.-5
1-00

М. МУССОРГСКИЙ—Опера «ХОВАНЩИНА»
M. MUSSORGSKY—Opera "KHOVANSCHINA"
Act 4, Scene 1 (end)
Scene 2, Moscow, Red Square
B. FREIDKOV, I. NECHAYEV
I. SHASHKOV, M. REIZEN
S. PREOBRAZHENSKAYA
V. TIKHI (Sireshnev)
Chorus and Orchestra of the Kirov
Opera and Ballet Theatre in Leningrad
conducted by B. KHAIKIN

MADE IN THE U.S.S.R.

33 1/3 об. в мин.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-011094(а)

Вторая гр.-6
1-00

М. МУСОРГСКИЙ—Опера «ХОВАНЩИНА»
M. MUSSORGSKY—Opera "KHOVANSCHINA"
Act 5
Monastery in the Pine Forest
I. NECHAYEV, M. REIZEN
S. PREOBRAZHENSKAYA
Chorus and Orchestra of the Kirov
Opera and Ballet Theatre in Leningrad
conducted by B. KHAIKIN

33Д011094/2-1